

Кушугра. - 1994. - 22 янв. - С. 9.

ПОРТРЕТ

В одной из книг «Живой этики» неопит спрашивает: «Как перейти жизнь!». Учитель отвечает: «Как по струне бездну: красиво, бережно и стремительно». Именно так и, добавим, необычайно плодотворно завершил минувший театральный сезон актер Борис Плотников. Вот только самые крупные его роли: Александр I («Павел I» Мережковского), князь Мышкин («Идиот» Достоевского), Алексей Иванович («Игрок» Достоевского) — в Театре Российской армии, главная роль в спектакле «Литургия оглашенных» в театре Алексея Рыбникова. Сезон закончился присвоением Б. Плотникову звания заслуженного артиста России.

ПЕРЕХОДЯ ТРУДНЫЕ ПЕРЕВАЛЫ

В искусство Б. Плотников вошел киноролью Сотникова в фильме Л. Шепитько «Восхождение». Вошел уверенно, будто был создан для этой труднейшей работы, хотя уверенность молодому тогда актеру Свердловского театра далась нелегко. Всех потрясло лицо Плотникова. Огромные мученические глаза, казалось, единственно живые в истерзанном пытками и изможденном голодом человеке в сцене казни вызвали однозначную ассоциацию с Распятием.

Фильм снимался на натуре и натуралистично, как всегда у Шепитько: на 30-градусном морозе, а изможденное лицо героя создавалось не ухищрениями гримеров, но многоместным полуголодным рационом актера. И похудение его на 20 почти килограммов за время съемок, и серьезное обморожение тоже были всамделишными. Кажется, кроме пыток и казни, Плотников полностью повторил крестный путь Сотникова, к тому же увеличенный количеством дублей. Когда актер «растворился» в своем герое, а фильм потряс самых непробиваемых да так и остался в золотом фонде киноискусства, Л. Шепитько благословила Б. Плотникова на долгую сценическую жизнь.

Название фильма стало как бы символом творчества Б. Плотникова. Восхождение его продолжается почти два десятка лет — и до сих пор. И не было в творческой жизни артиста момента, когда бы ему было легко или когда бы очередная взятая высота по-

казалась той главной и самой высокой вершиной. Думается, для себя в искусстве он обозначил высоту не как физическую точку, а как непрерывный процесс духовно-творческого подъема.

Вот почему и роли в 43 фильмах, где снялся Б. Плотников за эти годы, и знаменательный театральный сезон 1992—1993 года — лишь приближение к черте, за которой неизведанность новых ролей, созидание и творческий поиск — мучительный, прекрасный, всего его поглощающий и к свету восходящий.

В недавней телепередаче о Плотникове Смоктуновский назвал его «актером духа». Очень точное и верное определение, тем более значимое, что при напряженнейшем ритме сценической жизни и такой разнохарактерности сложных ролей русской классики, ни одна роль не сделана знакомо или традиционно.

Б. Плотников наделен живым, развитым воображением. Отсюда не только способность проникновения в образ, но и постоянное «долепливание» его. Богатство оттенков, нюансов характера героя поразительно. Как они возникают? Где их источники? Думается, главный секрет в том, что актер глубоко заглядывает в тайники души человека — творения Божьего и потому безграничного в своих проявлениях в мироздании, по какой бы исторической тропе он ни двигался.

Вот, например, Александр I в спектакле «Павел I» Мережковского. Какой непростой, противоречивый, в достаточной степени и до сих пор загадочный характер — этаким психологический айсберг русского самодержца. Причем в самый судьбоносный и духовно решающий момент жизни, когда на чаше весов только «да» и «нет», означающие две обнаженные и жесточайшие в наготе своей истины: власть и преступление. Мало того, актеру удается показать динамику характера, который на поверку оказывается игрой масок государя: в обстановке недовольства, заговора, когда так ошутимо, так облазнительно пахнуло на великого князя Александра Павловича властью, он, казалось бы, более созерцатель и даже чуть-чуть более вольнодумец, нежели фрунтман, вдруг впервые, может быть, представил себе всю силу и необъятность этой власти.

Поставленный перед духовным выбором, будущий помазанник божий преступает нравственный закон, обрекая себя на вечное служение темным силам. Как убедителен Плотников в неотвратимости этой истины в кульминационной сцене спектакля! Граф Пален протягивает Александру текст отречения от престола Павла I и согласие Александра сесть на трон российский, что означает подписание смертного приговора отцу. Плотников — Александр к Палену поворачивает голову не просто медленно: это будто само гневное вопрошание — «Как смеете вы мне это предлагать?». Но какая-то неясная нота, некое зависание интонации и следующее чуть заметное движение

головы выдают внутреннее напряжение.

Борис Григорьевич признается, что отказывается от воплощения героев, которых он не понимает или не принимает духовно, так как видит и само искусство, и свое в нем предназначение как обогащение опыта духовности, что дало нам прошлое. А обогатить его можно только светом мысли и поступков. Искусство актера, как, может быть, никакое другое, способно передать зрителю заветы духовной жизни на земле. Творческое и жизненное кредо Б. Плотникова предельно точно отражает мысль Н. В. Гоголя: «Сила влияния нравственного — выше всяких сил».

Безусловно, огромную роль в восприятии зрительской аудиторией играют тонкий, сложный психотип самого актера, превосходно развитый интеллект, изящное чувство юмора и доброжелательность. Внешние данные, неизменная спортивная форма — не только дар природы, но и результат постоянной работы и тренировки. Точно так же, как и голос: неповторимый по тембру, в руках актера он стал искуснейшим инструментом. Кстати, в совершенстве владея именно этим инструментом, Б. Плотников в минувшем году блистательно сыграл главные роли в уникальных радиопремерах пьес Ионеско «Носорог» (Беранже) и Марингофа «Циники» (Володя), а также прочитал такты всех четырех Евангелий. Большой успех имело и чтение стихов и прозы русских и зарубежных классиков в радиоспектакле Е. Дуловой «Ветви и корни» (он продолжается и ныне).

Работа актера над образом — внутреннего действия. Он будто заполняет пропущенные автором ремарки и в создании персонажа стоит как бы чуточку над автором. Притом у Плотникова это не бесознательный акт, который часто вызывается к жизни силой таланта, а искусная лепка образа, исторически, документально и психологически детерминированного. Думается, здесь немалозначимо и то, что Плотников умеет самого себя воспринимать не как субъект, но как объект творчества — отстраненно, строго, даже придирчиво. Это знание себя в сочетании с внутренним одухотворением позволяет актеру на глазах зрителя создавать многоцветный, объемный мир образа, вводя почти незаметные элементы импровизации. А именно они — главное духовное ядро роли, потому что художник творит из себя, вводя в действие свои духовные резервы, пропускает героя через свое духовное Я, так как в самом актере — человеке Б. Плотникове — живет неистребимая любовь к «прекрасному и яростному миру», как ни искажает его современный социум.

Плотников делает искусство, живет в нем, его творческий поиск непрерывен и не оставляет времени на праздное и праздномыслие. Предельно уплотнен и заполнен каждый день актера. Может, поэтому его как-то обходят проблемы кризиса театра и сценических жанров? А, может, сама постановка вопроса не так верна, как кажется, и то, что называется кризисом театра, на самом деле тот духовный кризис, который переживает артистическая интеллигенция вместе со всеми, но она острее других этот кризис ощущает, как ощущает и то, что ей надобно первой выйти из него через очищение.

Как бы то ни было, Б. Плотников уверенно идет своим путем восхождения — профессионального и духовного — неизменно переходя трудные перевалы, как по струне бездну: красиво, бережно, стремительно.

В. КОЛЕСНИКОВА.